

Было что-то отвратительное в настроении, в котором находился Готье после драки. Он всегда выпивал после того, как праздновал, и алкоголь только усиливал его нехарактерную веселость.

Оптимист предположил бы, что он напился, чтобы забыть, что он сделал, но Кассиопея знала лучше.

Помимо других неприятных поступков, Ганс Готье наслаждался убийством, наслаждался страданиями других от его рук; мужчина, женщина или ребенок - для немца это не имело значения.

Кассиопея находила его отталкивающим, но она понимала, почему Геллерт держал его при себе.

Готье был полезен для выполнения задач, которые требовали кого-то, кто не возражал бы запачкать руки.

Не то чтобы это означало, что она должна была уважать его.

По большей части Кассиопея имела мало общего с этим человеком, на что она, конечно, не собиралась жаловаться.

"Можно ли с уверенностью предположить, что в мое отсутствие все прошло хорошо?" - спросила она Геллерта.

"Очень даже", - весело ответил мужчина. "Мы произвели довольно неизгладимое впечатление на врага. А для тебя?"

Кассиопея кивнула.

Последние несколько недель она была в Японии, чтобы навестить Сато и убедиться, что он готовит своих людей присоединиться к Геллерту.

Он был, и она воспользовалась возможностью исследовать Дальний Восток.

Она никогда раньше не была в Азии, и, судя по тому, что она видела, она не вернется в ближайшее время.

Несмотря на всю красоту, которую могла предложить эта часть света, там было столько же проблем, сколько и на западе.

"Сато ожидает, что его люди будут готовы, когда они понадобятся".

"Хорошо", - удовлетворенно ответил Геллерт. "Они будут очень желанными гостями. С каждым проходящим днем мы становимся все ближе к тому, чтобы сломить волю врага. К тому времени, как они придут, им, возможно, будет мало чем заняться."

Кассиопея надеялась, что это правда.

Геллерт пока не подпускал ее близко к месту боя, но она все равно устала от этого.

Как бы сильно мужчина, на которого она равнялась, ни адаптировал свою стратегию, это никогда не приводило к затяжному конфликту.

Он надеялся, что больше наций уступят ему, когда они узнают, что любые попытки отрицать

его будут бесплодны.

Вместо этого он столкнулся с упорным сопротивлением, значительно замедлившим его продвижение.

"Я думаю, что немного отдохну", - объявила она. "Я привык к японскому часовому поясу".

"Конечно", - с улыбкой согласился Геллерт.

Кассиопея направилась к двери кабинета, но остановилась, почувствовав, как глаза Готье прожигают ее насквозь.

Она повернулась, чтобы посмотреть на него, ее нос сморщился от отвращения, когда он искоса посмотрел на нее.

"Я встретил вашего брата", - самодовольно заявил немец. "У него довольно вспыльчивый характер". "Мой брат?"

Ганс кивнул, его губы плотно сжались, обнажив зубы от широкой улыбки.

"Он борется за ICW", - радостно сообщил он ей.

Челюсть Кассиопеи сжалась, но она чувствовала беспокойство.

Во что играл Арктур?

"Не волнуйся, на этот раз я его не убивал, но я не могу дать никаких обещаний..."

"Круцио!" Кассиопея зашипела, ее палочка пришла в действие прежде, чем Готье смог закончить свое предложение.

Немец упал со своего места и корчился на полу, его крики агонии не удовлетворили Кассиопею.

Она хотела причинить ему боль, убить его за то, что он угрожал ее младшему брату.

Несмотря на их различия во мнениях и на то, что они выбрали противоположные стороны в войне, именно таким был Арктур.

Он был маленьким мальчиком, который обычно играл со своим игрушечным набором для квиддича перед камином или беспокоил ее, когда она была в библиотеке, прося научить его кое-чему из семейной магии.

Готье не имел права поднимать свои грязные руки на Блэка.

"Этого достаточно, Касс!" - твердо сказал Геллерт.

Неохотно Кассиопея уступила, и Готье несколько мгновений оставался на полу, его дыхание было затруднено, когда он бесконтрольно дергался.

К ее большому удивлению и досаде, он начал смеяться почти весело, хотя его руки дрожали, когда он поднялся на ноги.

"Ты садистская сука, Блэк, - прорычал он, - но это то, что мне в тебе нравится. Мы не так уж сильно отличаемся."

Кассиопея почувствовала, как ее палочку вырвали из ее рук, когда она попыталась нанести ответный удар, и она повернулась, чтобы сердито посмотреть на Геллерта за вмешательство.

"Ты устала", - настаивал он. "Иди и отдохни. Я верну тебе твою палочку, когда ты проснешься."

"И когда ты это сделаешь, я убью его".

Геллерт глубоко вздохнул.

"Я бы хотел, чтобы ты этого не делала, - вздохнул он, - но это вопрос, который мы обсудим позже. Ханс, ты сейчас извинишься за то, что подстрекаешь ее."

Готье фыркнул, хотя его ухмылка осталась на месте.

"Прими мои извинения, - насмешливо произнес он, - за то, что не принес тебе голову твоего брата. В следующий раз ты без этого не останешься. -

Кассиопея прищурилась, глядя на мужчину.

Если бы у нее была палочка, она бы сразила его на месте.

"И тогда я возьму твою", - поклялась она. "Ты не посмеешь поднять свои недостойные руки на члена моей семьи. Мы стоим намного выше таких подонков, как ты".

Готье расхохотался, прежде чем угрожающе оскалить зубы.

"Я с нетерпением жду того дня, когда ты попробуешь", - ответил он.

"Я больше никому из вас не скажу!" - рявкнул Геллерт, его терпение наконец лопнуло. "Вы на одной стороне".

Кассиопея мило улыбнулась немцу.

"Однажды ты откусишь больше, чем сможешь прожевать. Я с нетерпением жду вашего возмездия".

"Но доставлять его будете не вы", - насмешливо ответил Готье.

Ноздри Кассиопеи раздулись, прежде чем она вылетела из комнаты.

Ганс Готье однажды пожнет то, что посеял, и Кассиопея имела в виду то, что сказала.

Она с нетерпением ждала возможности стать свидетельницей его кончины и только надеялась, что его постигнет жестокая участь.

Меньшего он не заслуживал.

Однако сейчас ей нужно было знать, о чем думает Арктур.

Она знала, что он был против того, чтобы кто-либо в семье поддерживал Геллерта, но активно бороться против нее было чем-то, на что она никогда бы не подумала, что он способен.

По правде говоря, это ее опечалило.

Она не хотела сражаться с Арктуром и полагала, что в худшем случае он остался бы нейтральным.

Осознание того, что он решил бороться против того, за что она выступала, наполнило ее ужасом.

Геллерт не потерпит поражения, и он убьет любого, кто встанет у него на пути к достижению его целей.

Каким бы одаренным ни считал себя Арктур, у него не было бы шансов против ее наставника в поединке, и если это было то, чего он добивался, она боялась, что он встретит свой конец достаточно скоро.

"Глупый мальчишка", - фыркнула она про себя.

Был только один человек, к которому Арктур мог прислушаться, и хотя Кассиопея знала, что ее не примут с распростертыми объятиями, ради своего брата она должна была попытаться вразумить его.

Форма, которую ему выдали, была колючей, материал цвета хаки был выглажен и накрахмален до невыносимой жесткости. К счастью для Гарри, после небольшой работы с заклинаниями она стала более податливой и мягкой на ощупь, хотя он не мог не сокрушаться о том, как странно было получить тунику с тусклыми металлическими пуговицами, подходящие брюки и кожаные ботинки.

Это была не волшебная одежда, но, как справедливо заметил Грюм, мантии были не самой удобной одеждой для жизни.

Гарри провел большую часть своей жизни в одежде, которая не подходила по размеру или была поношенной.

Для него униформа была огромным улучшением.

Тем не менее, помимо заклинания, чтобы сделать его более удобным, он наложил на него множество заклинаний, чтобы сделать его более удобным и полезным.

Даже ботинки не обошлись без его усилий.

Однако он мог бы обойтись без эмблемы ICW, украшенной золотом на правой руке, и двух нашивок, обозначающих его звание.

Не то чтобы Чарлюс мог насмехаться над ним за это, как бы Гарри этого ни хотел.

Возможно, у него была только одна нашивка с его именем, но их униформа была идентична, за исключением этой незначительной детали.

"Есть какие-нибудь успехи?" - спросил он, когда лорд Поттер вошел в комнату.

"Не сегодня вечером, сержант", - ответил Чарлюс, ухмыляясь и отдавая честь.

"Две нашивки - это даже не сержант", - пробормотал Гарри, мысленно отметив для себя, что нужно пнуть Гилберта, когда он увидит его в следующий раз.

Чарлюс пренебрежительно отмахнулся от него, прежде чем сесть на свою койку.

"Мы все еще не приблизились к разгадке, кто это", - напомнил он Гарри.

"Я знаю", - вздохнул Гарри. "Мы доберемся туда".

Чарлюс кивнул.

"Мы так и сделаем, - согласился он, - и, надеюсь, до того, как просочится какая-либо другая информация".

"Тогда нам придется надеяться, что кто бы это ни был, он заглочет наживку".

"Они не смогут сопротивляться".

Гарри и Чарлюс разбрасывали случайные обрывки информации по всему окопу, отмечая, где они упоминали каждую вещь.

Их задача была достаточно трудной, но возможность точно определить, какая информация просачивается и где, значительно упростила бы ее.

Если бы Гриндельвальд или кто-либо из его последователей оказался в затруднительном положении из-за следа, по которому они шли, то это принесло бы только больше удовлетворения.

Не то чтобы такая задача, скорее всего, была бы такой простой.

Всякий раз, когда он или Чарлюс оказывались поблизости, многие разговоры внезапно прекращались, поскольку мужчины настороженно смотрели на них.

Это не обязательно означало, что они занимались чем-то, чем не должны были заниматься, или даже были связаны с утечкой информации, они просто стали больше интересоваться тем, что делали Гарри и Чарлюс.

По правде говоря, Гарри не был полностью уверен, насколько успешной они могут быть со своей нынешней тактикой, и ему нужно было обдумать это, если в ближайшие дни не будет никаких результатов.

"Тебе все еще нужно, чтобы я тебя прикрывал?" - спросил Чарлюс, его веселое настроение внезапно омрачилось.

Гарри кивнул, а Чарлюс покачал головой.

"Почему ты не позволяешь мне пойти с тобой?"

"Потому что мне нужно, чтобы ты оправдывался за меня", - ответил Гарри.

"Чушь собачья, мы оба знаем, что ты мог бы сделать вид, что был здесь, если бы захотел".

Гарри пожал плечами, сдуваясь, когда Чарлюс не смягчился со своим вопросительным взглядом.

"Я работаю в этих вещах один. Если что-то пойдет не так, это моя вина, но я не буду нести ответственность за то, что кого-то убили, или они меня. Вот почему я действовал в одиночку, когда был активен в полевых условиях".

Чарлюс понимающе кивнул.

"Это не потому, что я тебе не доверяю или думаю, что ты неспособен", - заверил его Гарри.
"Это потому, что я не доверяю врагу и знаю, насколько он способен".

"Ладно, черт возьми, не нужно относиться ко мне философски", - фыркнул Чарлюс. "Я прикрою тебя".

"Спасибо", - благодарно сказал Гарри.

Они замолчали на несколько мгновений, пока Чарлюс не заговорил снова, в его тоне было любопытство, хотя он не задавал вопросов.

"Я не знаю, как ты можешь это делать, просто убивай людей так, как ты это делаешь".

- Не просто люди, Чарлюс, - пробормотал Гарри, - враги. Я давным-давно понял, что если ты не хочешь делать с ними то, что они сделают с тобой, то ты уже проиграл. Я отказываюсь проигрывать, потому что проигрыш означает гораздо больше, чем просто быть побежденным или даже умереть. Если мы проиграем, проиграют все, о ком мы заботимся. Я не собираюсь позволять этому случиться".

Чарлюс задумчиво нахмурился, прежде чем кивнуть еще раз.

"Мы боремся за тех, кто не может бороться за себя".

«что?» - спросил Гарри.

"О, это что-то вроде семейного девиза", - объяснил Чарлюс. "Полагаю, до сих пор я по-настоящему не понимал, что это значит. В любом случае, разве тебе не пора идти?"

Гарри посмотрел на часы и кивнул, прежде чем вынуть палочку и наложить на себя свои обычные маскирующие чары.

"Ты узнаешь, когда я буду на обратном пути".

"Как это загадочно", - фыркнул Чарлюс. "Давай, отваливай и делай то, что должен".

Все, что Чарлюс увидел бы, когда Гарри ушел, - это как открывалась и закрывалась дверь в их комнату.

Стараясь ступать бесшумно и скрывая все свои следы в меру своих возможностей, Гарри перелез через край траншеи и направился туда, где враг должен был расположиться на ночь, не то чтобы они могли спать спокойно.

Гарри позаботился бы об этом.

Арктур перекатил палочку, принадлежавшую Франклину Боунсу, между пальцами, магия исходила от нее теплая, но осторожная. Он не смог бы им воспользоваться, даже если бы

попытался, а лорд Блэк не стал бы оскорблять память своего друга даже попыткой.

Он фыркнул и покачал головой.

Он не очень хорошо знал Франклина до того, как они оказались в одной комнате в окопах.

За эти годы они неоднократно встречались на типичных мероприятиях чистокровных, но едва обменялись вежливым приветствием.

Политика семьи Боунс и Блэк не совсем совпадала, и хотя между ними не было вражды, они не общались дальше ожидаемых протоколов приветствия и уважения друг к другу.

Арктур не мог не задуматься о том, как война может так сильно изменить ситуацию, как она может объединить двух людей так, как ничто другое не могло.

С тех пор как он приехал, он делил комнату с Боунсом, узнал этого человека без помех со стороны политики или обычаев чистокровных.

Здесь они были просто двумя мужчинами, сражающимися за одно и то же дело, и Арктуру понравился Франклин.

Они происходили из схожего происхождения, и хотя у них было немного больше общего друг с другом, чем это, они понимали друг друга, уважали верования семей, из которых они происходили, и традиции, в которые они были погружены.

Трудно было смириться с мыслью, что они разговаривали всего один момент, а в следующий Франклин был мертв, но это было твердым напоминанием о том, с чем они столкнулись.

Арктуру повезло, в то время как Франклин пал.

Вздохнув, он положил палочку в верхнее отделение сундука своего погибшего друга и написал простое, но проникновенное послание.

Для семьи Боунс,

В последний момент своей жизни Франклин попросил меня вернуть это вам.

Я глубоко сожалею о вашей потере.

Лорд Арктур Орион Блэк

Человек, гордящийся тем, что называет Франклина Боунса своим другом.

Он положил записку рядом с палочкой, прежде чем закрыть крышку.

Кто-то должен был забрать его утром и отправить домой к Боунсам вместе с телом Франклина, чтобы его можно было похоронить по семейному обычаю.

Хотя Арктур был опечален потерей своего друга, гнев разлился по его венам при мысли о том, что произошло.

После смерти Франклина Арктур оказался вовлеченным в борьбу всей своей жизни против огромного немца, оба мужчины сражались изо всех сил, Арктур подпитывался яростью, которая поглотила его, его враг - чистым удовольствием, которое он испытывал от убийства.

Это было столь же захватывающе, сколь и нервно, но когда Гриндельвальд проинструктировал его сделать это, немец ушел, хотя и неохотно.

Он бежал не из-за трусости.

Арктур не сомневался, что этот человек сражался бы до победного конца за одного из них, но он просто следовал приказам.

С улыбкой, обещавшей, что однажды они снова встретятся, он отклонялся, и ни один из них не выглядел хуже, если не считать нескольких незначительных порезов и синяков от ссоры.

Арктур увидит его снова, и когда скрещенные палочки снова соединятся, это будет сделано с намерением покончить с человеком, который убил Франклина Боунса.

Он никогда не забудет хриплое дыхание, звуки того, как его друг захлебывался собственной кровью, в то время как из него высасывали последние остатки жизни.

Это не давало Арктуру спать по ночам, и часто он мог поклясться, что все еще слышит Франклина в его последних муках жизни.

Арктур содрогнулся при этой мысли.

Эти воспоминания будут преследовать его до конца его дней.

Глубоко вздохнув, он аккуратно поставил сундук Франклина в ногах своей койки.

Его не будет дома на похоронах, но он сделал себе пометку посетить место, где этот человек будет похоронен, чтобы отдать дань уважения другу, который сражался бок о бок с ним в первые дни войны.

"Что, черт возьми, сейчас происходит?" - пробормотал он себе под нос, услышав возбужденные голоса, доносящиеся из траншеи снаружи.

С любопытством он открыл дверь и обнаружил, что остальная часть его группы нетерпеливо смотрит на ничейную землю, откуда доносились отдаленные крики, и Арктур присоединился к ним.

"Что происходит?"

"Похоже, эти ублюдки пробуют на вкус свое собственное лекарство", - ответил один из его товарищей.

Раздался еще один крик, прежде чем он внезапно оборвался.

"Это он?" - спросил молодой человек лет восемнадцати, не старше.

"Вероятно", - согласился первый. "Змею не нравится, когда кого-то из нас убивают".

Змея.

Арктур слышал о нем от Кассиопеи, когда она приехала навестить его, даже видел неуловимого человека, упомянутого в средствах массовой информации, и с тех пор, как он прибыл сюда, он часто был предметом разговоров среди сил ICW.

Слухи о таинственной фигуре, преследовавшей людей Гриндельвальда, варьировались от тревожных до совершенно нелепых.

Некоторые сказали бы, что он был человеком с головой василиска, что если бы вы посмотрели ему в глаза, то упали бы замертво.

Другие, что он был Салазаром Слизерином, переродившимся только для того, чтобы убить Гриндельвальда, прежде чем снова отдохнуть.

Арктур фыркнул при этой мысли.

Кем бы ни оказался Змей, он был человеком, холодным, безжалостным человеком, к которому все должны относиться настороженно, но тем не менее человеком.

"Что это?" - спросил я.

Услышав вопрос, Арктур посмотрел туда, где находились вражеские траншеи, нахмутив брови от любопытства.

Что это было?

Гарри потребовалось гораздо больше времени, чтобы добраться до вражеских траншей. В последние прошедшие дни защита была изменена и переключена по кругу, на этот раз кем-то гораздо более искусным в сокрытии своей работы, чем он привык.

Тем не менее, несмотря на вызов, он преодолел их, не предупредив людей Гриндельвальда, и он снова оказался пресловутым котом среди голубей.

Он приступил к работе в тот момент, когда спустился в выбранную им секцию траншеи, и с помощью некоторых непонятных чар, которые он обнаружил в библиотеке Фламея, он гарантировал, что сможет выполнить свою задачу.

Сами по себе заклинания было не так уж трудно отменить, но Гарри сомневался, что многие знали о них. Возможно, когда-то они были обычной практикой и впали в немилость, или работа человека, который создал их и поделился ими с миром, так и не приобрела популярности.

Гарри, однако, оценил их усилия, и желеобразная субстанция, которую он сформировал в купол, оказалась бы непростой задачей для любого, кто не знал, с чем они столкнулись.

Это было проблемой для людей Гриндельвальда, чтобы ориентироваться.

У Гарри была своя работа, которую нужно было делать.

С его барьером на месте те, кто дремал внутри, были всего в нескольких мгновениях от того, чтобы их жизни были прерваны, что стало примером для Гриндельвальда, что за его действия всегда последует возмездие.

Первая из жертв Гарри даже не успела проснуться, как заколдованный клинок пронзил его грудь и вошел в сердце, мгновенно убив его.

Второму отрубили голову, когда он начал шевелиться, но глухой удар падающей головы разбудил третьего, дав ему достаточно времени, чтобы закричать.

Его быстро заставили замолчать, но за ним последовали другие, предупрежденные о присутствии Гарри.

Именно тогда Гарри отбросил все претензии на проведение тайного мероприятия.

Эти люди пробрались в его окопы, убили людей, которые боролись за свое право на свободу от тиранического человека, который верил, что его видение будет лучшим для мира, и он увидит, как оно осуществится любыми необходимыми средствами.

Эти люди, которых он убивал одного за другим, способствовали этому безумию, позволяя убивать других мужчин, женщин и детей за то, что они не подчинились желаниям безумца.

Все они были виновны в этом.

Раздалось еще больше криков, когда Гарри использовал узость траншеи, чтобы изолировать своих врагов, которым некуда было бежать.

Некоторые пытались с обеих сторон прорваться через барьер, но безрезультатно.

Взрывные проклятия были поглощены, как будто они были ничем, а желе осталось, позволяя Гарри убивать все больше и больше людей по своей прихоти.

Еще один крик, на этот раз более громкий и пронзительный, чем любой другой, еще один, который внезапно оборвался, когда Гарри расправился с мужчиной.

Больше не осталось никого, кроме тех, кто находился за барьером, кого привлекло насилие, совершенное над ними фигурой смерти, которой они привыкли бояться.

"Я увижу остальных из вас", - поклялся Гарри.

По взмаху его палочки желе вырвалось наружу, заставив людей снаружи растянуться и покрыться липкой жидкостью.

Прежде чем они смогли подняться на ноги или предложить опровержение, Гарри исчез, уже пройдя половину ничейной земли, где он в последний раз поднял свою палочку.

Последовали новые крики, хотя они были скорее от удивления, чем от боли, но последнее вскоре последовало.

Жертвы вываливались из траншей, борясь с желе, которое пробудилось к жизни и пыталось задушить их или просто задушить, закрыв им рты и носы.

Была явная паника, и в их состоянии многие забрели в свои собственные укрепления, вызвав ловушки, предназначенные для любых людей ICW, которые попытались бы прорваться через них.

Некоторые из мужчин были пронзены шипами, некоторые вызвали взрывы, которые подбросили их на десятки футов в воздух, а другие оказались проклятыми таким образом, что они сильно пострадали бы, если бы последствия не были быстро устранены.

Гарри несколько мгновений наблюдал за разворачивающимся хаосом, прежде чем продолжить свой путь к своей траншее, где ему удалось проскользнуть мимо наблюдавших за ним людей из ICW.

Справедливость восторжествовала, и хотя эта тактика не положила конец войне, она послужила напоминанием Гриндельвальду и тем, кто последовал за ним, что они не добьются победы легко.

Нет, это стоило бы им жизней, и, в конечном счете, мало кто остался бы готов пожертвовать всем этим ради снов и видений другого человека.

Из своей комнаты Гарри услышал шипение удовлетворения, разнесшееся по полю боя, и благодаря его дополнительной работе наследие и репутация Змея выросли еще немного.

"Гарри, ты должен это увидеть!" - позвал Чарлюс, барабана в дверь.

"что это?" Гарри фыркнул, когда открыл его, устало потирая глаза и притворяясь, что он только что проснулся.

"Похоже, Змей снова взялся за свое", - радостно объяснил Гилберт.

Гарри нахмурился, следуя за хитрецом, Чарлюсом и Яксли к краю траншеи, где ему показали все еще разворачивающуюся драму.

"Смотри!" взволнованно сказал Гилберт.

Гарри одобритительно кивнул.

"Не меньше, чем они заслуживают", - ответил он, прищурившись, когда изумрудный огонь вспыхнул, и символ Змеи заполнил небо, освещая разрушения, которые были произведены на ничейной земле.

"верно", - согласился Яксли, ни он, ни Гилберт не видели кивка Чарлюса через плечо первого.

<http://tl.rulate.ru/book/76052/2701204>